

А. А. Кузнецов

РЕЦЕНЗИЯ: Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. – 384 с.: ил.

Аннотация. В рецензии рассматривается книга известного историка А. А. Селина. Книга посвящена Столбовскому мирному договору и реализации его условий. Договор был заключен между Россией и Швецией в 1617 г. Книга А. А. Селина вносит существенный вклад в изучение истории Смутного времени на Северо-Западе России, истории Новгорода.

Ключевые слова: Столбовский мирный договор, Россия, Смутное время, Швеция, Новгород, история дипломатии, историография.

Abstract. The review examines the book by the famous historian A. A. Selin. The book is dedicated to the Stolbovsky peace Treaty and the implementation of its terms. The Treaty was concluded between Russia and Sweden in 1617. The book by A. A. Selin makes a significant contribution to the study of the history of the time of Troubles in the North-West of Russia, the history of Novgorod.

Keywords: Stolbovsky peace Treaty, Russia, Time of Troubles, Sweden, Novgorod, history of diplomacy, historiography.

А. А. Селин – известный специалист по истории Северо-Запада России, Балтии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Своими трудами, посвященными прошлому этих регионов в XVI–XVII вв., он примыкает к мощной исследовательской традиции постижения феномена Новгорода в Средние века. Той традиции, что олицетворяется, в первую очередь, В. Л. Яниным. Сам же А. А. Селин развивает направление, заданное студиями А. Е. Замятина по истории (При)Балтийского региона в Смутное время. Просопография населения оккупированного Новгорода, представленная в диссертации и монографии А. А. Селина (Селин, 2017а), существенно углубила и расширила научные представления о движущих силах, мотивах, целях и личных и групповых стратегиях Новгорода и новгородцев в условиях шведских присутствия и оккупации, российского самозванчества, походов московских отрядов и пр. Последовавшее осмысление выявленного фено-

мена «коллективного новгородца» эпохи Смуты потребовало изучения истоков связанных с ним проблем и последствий их разрешений.

Важное место в этой цепи занимают мирные договоры, венчавшие войны России на Северо-Западе в XVI–XVII вв. В различных публикациях А. А. Селина прослеживается интерес к этим реперным точкам военно-политической истории XVI–XVII вв. Именно тогда определялись границы, на время снималась острота с не(до)решенных вопросов, аккумулировался конфликтный потенциал неснятых противоречий. Такое вызревание войн XVIII в. в длительном сложном бытовании русско-шведской границы в 1617–1721 гг. А. А. Селин показал в другой монографии (Селин, 2016). И так получилось, что рецензируемый здесь труд А. А. Селина о Столбовском мире, определившем ту самую границу, является своеобразным приквелом к труду о ней. От феномена почти «живой» границы историк сместил внимание к феномену её порождения, за которым стоит история Смуты на Северо-Западе России.

Книги-«погодки» А. А. Селина о границе и о мире соответственно связаны между собой не только хронологически и локально, но и текстуально. Логика постижений Мира и Границы обуславливала повторение в сокращённом виде ранее изложенного материала и распространение, дополнение фрагментов предыдущей книги. Первое проявилось в повествованиях о кройке рубежей (Селин, 2017б. С. 42–123), а второе – в рассказе о договорённостях в Столбове (Селин, 2017б. С. 38–41, 124–135). В монографии, посвященной Столбовскому миру, видно, как автор, избегая чрезмерного дублирования, перерабатывал лексику и стилистику во фрагментах, близких к предыдущим книгам. Однако перенос на монографии правил и ограничений публикаций в академических журналах в этом случае не оправдан и не нужен. Несмотря на схожесть, близость проблематик обоих томов, взаимное перекрывание в ряде мест содержанием, книги А. А. Селина самостоятельны по отношению друг к другу. Применяя ту же метафору порядка рождений, можно сказать, что представлены два труда, каждый из которых посвящён одному из пары близких родственников. И в этом случае повторы неизбежны, как рассказы в биографиях об общих родителях и семье. Исследование Столбовского мира же является полноценным законченным академическим текстом с обоснованными структурой и логикой.

Книгу А. А. Селина о Столбовском мире среди историко-научных монографий выделяет объёмное, по сравнению с Заключением (Селин, 2017б. С. 359–365), Введение (Селин, 2017б. С. 6–39). Автор рассуждает о Смуте вообще, о Смуте на Северо-Западе России и в Новгороде, об особенностях Новгорода как политического и социокультурного явления в истории России XVI–XVII в., о его своеобразном положении между Москвой и Швецией после избрания Михаила Романова, об альтернативах выхода Новгорода из Смуты, об обсуждении с 1613 г. в Швеции вариантов поведения по отношению к России, о разномыслии новгородцев перед выбором между Россией и Швецией, о неуклонном

вызревании идеи примирения у всех сторон баталий на Северо-Западе и противоречивом её воплощении к рубежу 1616–1617 гг. ... И только так можно было показать значимость, актуальность и важность изучения Столбовского мира.

Во Введении А. А. Селин обозначил своё видение на ряд проблем, связанных с изучением истории Смутного времени в России, и спроецировал его на специфический регион Северо-Запада. Каждый выявленный автором нюанс имеет важность и ценность для перспективы исследования Смутного времени в России, а взятые в системной совокупности оригинальные выводы историка позволяют осознать и диалектику Смуты вообще. Поэтому их надо разобрать подробно.

Справедлива критика автором тезиса о возрождении в начале XVII в. в Новгороде «латентной старины» – городского самоуправления, повышения статуса местных учреждений (Селин, 2017б. С. 10–11). Контрдоводами ему приведены факты роста локального самосознания в большинстве областей Московского царства с разной «латентной стариной». Автор даёт примеры таких локусов – Псков, Казань, Новгород, Смоленск, Пермь и «даже Сольвычегодск» (Селин, 2017б. С. 17). Главной причиной объявляется необходимость устраивать повседневную жизнь «при самоликвидации политического центра государства» (с. 11). Несколькими страницами ниже автор указывает, что в 1606, 1607 и 1610 гг. «Московское политическое пространство» проявляло тенденции к распаду, и главной из них представлено «стремление к формированию особой политической субъектности». Она же парадоксально, как доказывает А. А. Селин на примере Новгорода, укрепляла Московское государство (Селин, 2017б. С. 17–18). Только тогда в список городов, чья формировавшаяся политическая институция парадоксально укрепляла Российскую державу, не вписывается Казань. В действиях пришедшего там к власти Никанора Шульгина не обнаруживаются признаки восстановления здания Московского царства (Козляков, 2012. С. 251–270). И более убедительным было помещение в ряд городов, удержавших тогдашнюю политическую Россию от распада, Рязани и Нижнего Новгорода. Их политическая субъектность напрямую и целенаправленно дала инициативы воссоздания властной модели для упорядочивания повседневности.

Обозначенным, но не освоенным автором до конца остался ещё один довод против предположения о восстановлении прежних политических традиций/вольностей, порядков в Новгороде. О населении Новгорода и Новгородской земли в начале XVII в. А. А. Селин пишет, что оно представляло собой посадское население, из которого выбирали пятиконецких старост, потомков нескольких волн переселенцев с 1480-х гг. (Селин, 2017б. С. 8–9). И вряд ли среди них хранилась «генетическая память» Новгорода о республиканских структурах. Не поспособствовал этому и опричный погром Ивана Грозного. А вот о нём воспоминания в начале XVII в. в Новгороде должны были быть ещё горячи,

и, несмотря на это обстоятельство, Новгород остался в зоне притяжения Российской государственности. Необоснованным и неясным осталось интересное утверждение автора: «Московское политическое пространство – царство, «наспех скроенное» полу столетием раньше и, очевидно, не имеющее единства управления, плохо справляющееся со своим многообразием...» (Селин, 2017б. С. 17). Но начало царизма покоилось на фундаменте, заложенном в XIV–XVI вв. Москва за это время «обкатала» практики и модели удержания многообразных земель с разными социокультурными и историческими традициями, этно-конфессиональным составом. И в этом случае А. А. Селину, чтобы быть убедительным, надо полемизировать с С. Каштановым, В. Д. Назаровым, П. В. Чеченковым. Этого пока нет в текстах А. А. Селина. И для объяснения высказывания об усилении центробежных движений в начале XVII в., вполне подходит упомянутый тезис А. А. Селина, что сепаратизм многообразия был запущен Смутой, когда на местах решали вопросы выживания без поддержки и указаний из столицы. Тем не менее, и это замечание автора, и другие его концептуальные наблюдения-предложения делают Введение не формальной частью книги, но готовят читателя к мысли о важности и актуальности изучения Столбовского мира, которому в год выхода книги исполнилось 400 лет.

Книга о Столбовском мире 1617 г., кроме необходимых разделов Введения, Заключения, Списка сокращений и Указателей, состоит из трёх глав. Весомость и значимость издания А. А. Селина, во многом, определяет первая глава «История изучения Столбовского мирного договора и публикация его текста» (Селин, 2017б. С. 40–89). Она же и задаёт новый, по сравнению с книгой о русско-шведской границе, вектор исследования. Глава делится на две неравные, связанные между собой части – собственно история изучения Столбовского мира и история публикации этого договора. В первой части представлены отечественная и шведская линии исследования, которые не влияли друг на друга и пересеклись впервые под пером А. А. Селина, не считая советско-шведского издания документов по экономической истории (Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, 1960. С. 69, 72) и очерка А. С. Кана (Кан, 1999. С. 91–92) (впрочем, оставшегося в рамках российской традиции трактовки договора). Причём, обе традиции развивались в рамках национальной истории. Нюансы российской/советской традиции подталкивают к историографическим размышлениям.

Веховыми в отечественном изучении и в восприятии Столбовского мира «Новый летописец» XVII в. (Селин, 2017б. С. 43–45) – труды Н. П. Лыжина 1850-х гг. (Селин, 2017б. С. 48–52) – тексты И. П. Шаскольского (1960-х гг.) – работы разных авторов с начала XXI в. (Селин, 2017б. С. 75–81). На последний этап оказали существенное влияние возвращённые исследования крупного знатока истории Смуты на Северо-Западе Г. А. Замятина (1882–1953) (Селин, 2017б.

С. 63–66). И остаётся только предполагать, насколько раньше историческая наука пришла бы к нынешнему состоянию в изучении Столбовского мира, увидь книги и статьи Г. А. Замятина свет по мере их написания. Многие его открытия потом были самостоятельно сделаны следующими поколениями историков. И их своеобразное первенство по отношению к неизвестному наследию Г. А. Замятина повлияло и на А. А. Селина. Он даже обмолвился, что Г. А. Замятин повторил мысль [последующего] И. П. Шаскольского [так!] о том, что южная граница Столбовского мира почти совпала с демаркационной линией 1583 г. (Селин, 2017б. С. 65). И как знать, появившись своевременно (до 1953 г.) тексты Г. А. Замятина, то, может быть, и советские/российские наука, политическая культура и дипломатия уже имели бы в своём распоряжении публикацию текста Столбовского договора на русском языке. Его отсутствие в российской исторической науке – открытие А. А. Селина (Селин, 2017б. С. 89). Этот неудобный и неприятный для отечественной историографии факт обуславливает необходимость его публикации. И тогда две следующие главы могут рассматриваться как необходимая для публикации важного документа историческая справка.

Вторая глава «Политическая и дипломатическая история Столбовского мира. Июнь 1616 – сентябрь 1617 гг. (Селин, 2017б. С. 90–195) читается как художественная литература в стилистике зощенковской «Голубой книги». Великие поступки, грандиозный мир не исключали вторжения повседневности, земных и суетных мотивов. А. А. Селин не ставил это своей задачей. Так вышло за счёт глубокого погружения в источники и профессиональной передачи их «материи» и духа в книге, а также своеобразной визуализации. Это в начале XXI в. Столбовский мир воспринимается эпохально, а тогда приказные чиновники, воеводы и военачальники лукавили, выгадывали, опасались, пускались в мелкие торги. Здесь были и игры в топонимику – Лопские или Корельские погосты (Селин, 2017б. С. 131–138), и диалог разных дипломатических культур и традиций, и споры о величании шведского короля и пр. Удачным надо признать авторский приём, взятый из художественной литературы, когда развиваются и сходятся в финале две-три сюжетные линии. Это позволяет увидеть небесспорность и не-непреложность Столбовского мира как исторического факта, выход на него после зависания в точке бифуркации. А. А. Селин до финальных страниц главы удерживает читателя в напряжении, когда повествует о сложной, дискретной дороге к заключению мира и о тяжком положении, в которое попали новгородцы. Шведы, осознав, что Новгород останется в России, предприняли ряд жёстких мер по отношению к его жителям. А последних довольно много на страницах книги А. А. Селина, и каждый из них представлен своим голосом, своим образом. Это является следствием глубокой проработки историком протопографии Новгорода в Смуту. После чтения второй главы уместно поставить вопрос и о признании заслуг англичанина Джона Меррика перед Россией. Этот посредник так

умело улаживал споры, что дал, наконец-то, состояться мирному договору, позволившему России медленно выходить из кризиса Смутного времени, а Новгороду вернуться в её состав. Последний сюжет выписан «на нерве», и эта часть вызывает при чтении сильный эмоциональный отклик.

Третья глава «Реализация Столбовского мира» (Селин, 2017б. С. 196–358) стилистически продолжает линию второй. Спорные моменты ратификации (Селин, 2017б. С. 204–216) – понимание «вечности мира», сохранение Православия, обмен пленными, отношение к русским, ставшими шведскими подданными... – поданы на основе умелой интерпретации текста источников, вводимых в текст и порождают эффект присутствия. Третья глава, как вторая, наполнена жизнью того времени, чаяниями, надеждами, проектами и прожектами разных акторов. Их много, но их голоса, образы складываются в одно целое и дают представление о воплощении в жизнь статей Столбовского мира. И, конечно, всё это проявилось и в описании демаркации границы. Мелочное, дошлое нанесение рубежей с отсылками к старине, нюансами клятв, прозрачные для одной стороны хитрые уловки другой, надумывания и пр. – показывают ту земную ситуацию, из которой родился и развился великий Столбовский мир, сыгравший важную роль в истории России и Швеции и определивший своим пересмотром и век XVIII.

В Заключении (Селин, 2017б. С. 359–364) привлекает внимание идея, которую автор выводит из источников. В 1617 г. в России этот договор воспринимали выгодным, несмотря на территориальные потери. Принципиален неожиданный, но весьма убедительный вывод: «Столбовский мир 1617 года подвёл серьезные итоги политического развития Северо-Запада Московского царства – Новгородской и Псковской земель. Он окончательно закрепил Новгород в составе Московского государства» (Селин, 2017б. С. 359–360). Это суждение автора возвращает новгородской истории альтернативность и после 1478 г., а также демонстрирует важность и ценность Новгорода как системообразующей части России.

В научном творчестве А. А. Селина рецензируемая монография завершает своеобразную трилогию (хотя, как знать, укладывается в большую череду следующих монографий). Её можно представить так: «(Нов)Город» (в Смуту) – «Граница» (в XVII в.) – «Мир/Договор» (1617 г.). В каждой из частей тот или иной феномен рассматривается с точки зрения одушевления, результаты которого складываются из преодоления противоречий и согласования интересов множества воли, интересов, мотивов, поступков и их последствий, вызовов-ответов. Отсюда – и драматизм научного повествования, и новые находки, свежий взгляд. Думается, что с точки зрения историографии эти три книги А. А. Селина могут задать новое плодотворное направление в изучении позднего Средневековья и Раннего Нового времени в России, согласуясь с подобными исследованиями В. Н. Козлякова о служилом городе и

Московском царстве, Я. Н. Рабиновича о малых городах Северо-Запада в эпоху Смуты. И это очень важная деталь, поскольку книга о Столбовском мире вышла в его 400-летний юбилей. А любой юбилей, кроме прочего, подводит итоги и намечает перспективы и ориентиры движения на будущее. А. А. Селин сделал это ёмко и лаконично, заложил фактическую основу постижения Столбовского мира, определил необходимость его полной публикации на русском языке. Эта книга определяет перспективы, формат, методiku будущих изысканий самого автора и его коллег, последователей.

Литература и источники

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Российский гуманитарный университет, 1999. 359 с.

Козляков В. Н. Герои Смуты. М.: Молодая гвардия, 2012. 351 с.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сб. документов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 656 с.

Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.

Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века: очерки из жизни новгородского общества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. 720 с. [a]

Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. 384 с. [б]